

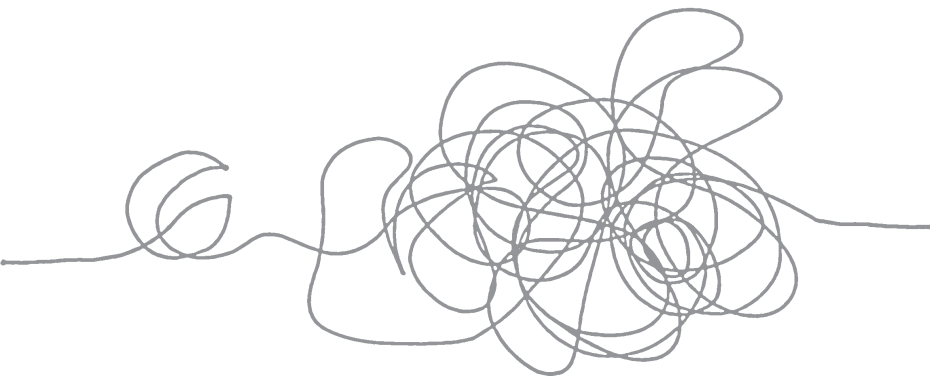
*Для Дж. М. Д., С. М. К. и М. Дж. М.,
космосу и звездам каждой моей бумажной луны.*

Все, что я делаю, — я делаю для вас.

:- :-* :-**

Где не хватает слов, говорит музыка.

Ханс Кристиан Андерсен

ГЛАВА 1

Суббота, 29 апреля

Интересно, кто мог оставить здесь эту лиловую бумажную луну?

Я смотрю на нее. Она манит к себе, словно неоновая вывеска.

Лучше бы ее не трогать: пусть лежит там, куда ее сунули, — между окном и витриной с закусками.

Но я ничего не могу с собой поделать. Не каждый день находишь оригами-луну в своей любимой кофейне возле своего любимого места, где кто-то вырезал «Здесь был я» на потертой, обшарпанной стойке. (Чувствуете, как жизненно? Когда читаешь такое, то читаешь как бы и про себя, потому что тоже был здесь. Блеск.)

Я кладу на стойку книги и сую луну в свою домашнюю работу, взятую на выходные. Но луна так и притягивает взгляд, поблескивая среди таблиц и словно говоря: «Разверни меня, Мадлен».

Не сразу, но я подчиняюсь.

Бумага плотная, редкого лилового оттенка с зеленым отливом. Если бы речь шла о «Крайоле»¹, то это был бы цвет «сирень» с добавкой «морского прибора».

Увидев машинописный текст на обороте — шрифт, похоже, Times New Roman², — я чуть не ахаю. Внутри что-то написано! Не знаю, отчего я волнуюсь больше: то ли меня интригует скрытое послание, то ли тревожит возможное вторжение в чужую жизнь, чего я стараюсь не допускать.

Слова на обратной стороне луны прекрасны. Это стихотворение. Кажется, о приливе. А может быть, это метафора, но текст завораживает. Звездный прилив, борьба и освобождение.

¹ Crayola — компания, выпускающая художественные и канцелярские принадлежности; разработала собственную гамму цветов с уникальными названиями. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Название семейства шрифтов с засечками.

Из-за спины до меня доносится шепот. Я оглядываюсь через плечо.

Ну прелестно.

Это Софии (да, их обеих зовут София). Они ходили со мной — благодаря кошельку моего отца — на концерт Vagabonds пару лет назад, задолго до того, как группа ушла в загадочный бессрочный отпуск. Какое-то время время я ладила с Софиейми. Мы тусовались, говорили о группе, вместе затаривались косметикой в «Сефоре» и пили кофе с булочками. А потом я их застукала, когда они забылись и начали обсуждать меня в общем чате вместо лички.

София Первая: Она какая-то странная, да?

София Вторая: А кто из нас не странный-то?

Всё норм.

София Первая: Но она не по-хорошему странная.

София Первая: Думает, что вся такая классная, если пару раз выступала на сцене.

София Вторая: Да, не очень-то норм.

София Первая: Небось круто жить, когда знаешь, что папаша будет тебя всю дорогу пропихивать.

София Вторая: Да ты же видела, она совсем повернутая. Она вообще может говорить о чем-нибудь кроме Бродвея, групп и сраной музыки?

Хм, конечно, могу, но о чем еще с ними разговаривать? Я же не жаловалась на их постоянную болтовню о парнях, туши для ресниц, подводке и прочей ерунде? С дебатами об экономике обе Софии явно не в состоянии справиться. О чем еще тогда говорить?

Позволю себе на секунду отвлечься: такие Софии знакомы каждому из нас.

Если у них в профиле стоит фото, то на нем они вдвоем крупным планом, потому что они все делают вместе. Когда одна из них публикует снимок с парнем, в кадре хотя бы с краешка всегда маячит и другая. На их страницах полно постов о самом модном барахле — мини-юбках, обуви, макияже, аксессуарах для волос. Их статус выглядит примерно так: «Если вы ищете самую яркую звезду во вселенной, вы ее нашли». Местонахождение: «На вершине мира».

Когда я увидела, что запостили в чат эти дуры, до меня дошло: им интересны лишь связи моего отца в шоу-бизнесе. А я для них просто лохушка. Само собой, я перестала с ними общаться.

Боже, зачем я только привела их сюда, в это кафе на «Фабрике», пока мы еще, так сказать, дружили. Одно их присутствие превращает любое заведение в хайповое место. А мне так нравилось, что эта кофейня принадлежала только мне, что это был маленький кусочек хипстерского рая безо всяких суперкоролев с их подпевалами.

София Первая склоняется к уху Софии Второй. Наши взгляды встречаются на долю секунды, и сразу после этого они обе, как по команде, начинают хихикать.

Умом-то я понимаю, что они вовсе не обсуждают меня. А если и обсуждают, то вряд ли говорят что-нибудь важное. Но эти их демонстративные разговорчики на ушко, их смешки добавляют отчетливую ноту осуждения и критики. Ведь где они — стройные, холеные, такие крутые, что их укладке и макияжу даже дождь не страшен, — а где я, нелепая и одинокая.

Я съезживаюсь на стуле. Может быть, если я сползу чуть пониже, то просто исчезну.

Натянув на запястье рукав великоватого мне свитера, я протираю им оконце на запотевшем стекле, чтобы лучше видеть лицо снаружи.

Миннесота-авеню кипит розовым: толпа гостей с чьей-то свадьбы проходит мимо с зонтиками самых разных оттенков этого цвета. Я делаю

снимок и публикую его в своем инстаграме с подписью: «Эта гроза — ливень из пионов».

Когда фото уже появляется в ленте, я соображаю, что надо было повнимательнее рассмотреть его, прежде чем посылать. И вижу на снимке собственное отражение в стекле: черная шапочка с логотипом любимой группы, нахлобученная поверх кудрей длиной до подбородка; пятнышко размазанной туши под левым глазом... Мало того: на лбу красуется отзеркаленная вывеска кафе, прописными буквами выведенная на стекле передо мной.

Обычно я стараюсь не постить свое лицо целиком.

Была бы я одной из Софий, мне было бы наплевать, что люди сочтут, будто лицо у меня несимпатичное, волосы чересчур кудрявые, а глаза подведены слишком густо. Но я это я. И все это меня волнует. Мне не нравится идея, что кто-нибудь однажды выкопает мои старые фотки или посты и на их основании составит мнение обо мне.

Я запускаю приложение-дневник на телефоне и бегаю пальцами по дисплею, записывая все, что я чувствую.

Секунду спустя телефон тренькает, как он делает в тех случаях, когда подписчики лайкают меня в инстаграме. Воистину, мир, в котором мы

живем, — великое место, ведь тут можно поднять самооценку при помощи такой страшно важной вещи, как лайки в соцсетях. Моя сводная старшая сестра, Хейли, прислала мне виртуальные обнимашки.

Есть в навязчивой тяге выкладывать все свои события в соцсети один несомненный плюс: Хейли по-прежнему участвует в моей повседневной жизни. Хотя на самом деле она по уши занята делами где-то на другом краю города в Университете Де Поля, на безопасном расстоянии от того урагана, который завертел нашу семью, после того как мама и папа прекратили всякое цивилизованное общение.

Хейли: Приготовься быть потрясающей через
5, 4, 3, 2...

Хейли всегда помнит, когда у меня прослушивание, и обязательно старается заранее подбодрить. Я выступаю практически с самого детства, и Хейли неизменно была рядом, поддерживая меня на каждом сделанном по этому пути шаге.

Хейли — единственный человек, с которым я могу ничего не стесняться. Хотя мы стали общаться реже и ее нынешняя жизнь практически никак со мной не связана, Хейли все еще мой

лучший друг. Каким была для меня с самых моих малых лет.

Она была со мной, когда меня тянули в разные стороны, раздирая на куски, те двое, кто клялся сохранить меня в целости. Она была со мной, пока я наблюдала, как брак моих родителей медленно и мучительно распадается, и позже, когда они годами сражались в суде, прежде чем развод был оформлен окончательно. Не знаю, что я делала бы без Хейли. Родители вспоминали обо мне только во время споров о том, кто получит контроль над счетами, где хранятся мои доходы.

Теперь они не разговаривают друг с другом. То есть совсем. Они общаются через меня, — точнее, пытаются с моей помощью облить друг друга грязью, и это очень утомляет. Почему нельзя просто собраться с силами и вести себя прилично?

Сердце начинает колотиться. Так, надо срочно перестать думать о родителях.

Дыши глубже. Расслабься. Погрузись в музыку.

Оповещения на моем телефоне дополняют окружающую симфонию звуков.

Шум полусотни разговоров эхом разносится по залу кафе.

Снаружи капли дождя стучат по медному козырьку.

Периодические раскаты грома дрожью отдаются в стенах старого здания.

Это будет ударная установка. Барабаны и тарелки.

Перестук колес поезда, подходящего к станции через дорогу отсюда. Скрип тормозов, когда состав останавливается у ограничительной линии. И визг промокших подружек невесты, бегущих по тротуару снаружи, — это будет духовая секция.

Я насчитала уже шесть девиц в разных оттенках розового: гвоздика, лосось, земляничный, сладкая вата — на любой вкус. Они бегут босиком. Босоножки на высоких каблуках болтаются в руках, а пиджачки-смокинги с розочками в бутоньерках на лацкане выброшены на голову.

И хотя ливень в разгаре, все они донельзя довольны собой.

Опять-таки, если они подружки невесты, у них, само собой, есть и дружки. Особенно это важно сегодня вечером: они — элита, круче всех остальных гостей на свадьбе, избранные за главным столом. За исключением, может быть, вон той.

Я разглядываю девушку, которая немного отстаёт. Ее одну не поддерживает под локоток кавалер, заботливо помогая обойти лужи. Она сама прокладывает себе путь. Она единственная,

кто не дурачится под дождем, сохраняя некую сосредоточенность, будто человек, не уловивший смысла шутки, которую все остальные считают смешной.

Может, она та самая кузина, которую нельзя не пригласить. Я с пониманием слежу, как она держится на один-два шага позади, присутствуя без всякого участия. Это настоящее искусство, по себе знаю. Я чувствую себя этой самой бедной родственницей почти везде, куда бы ни пошла.

Но если удастся выключить в голове шепот позади себя, вывести обеих Софий из оркестра, я смогу переждать грозу в своем любимом месте.

Это одно из старейших зданий в Уикер-парке — том районе Чикаго, где я живу. Весь этот комплекс называется «Фабрика»: художественные галереи и магазины, в том числе и это кафе, — на первом этаже; просторные студии на втором; а на третьем, с отдельным входом с Миннесота-авеню, раскинулось привольное пространство для мероприятий, гламурное и супермодное, где сегодня, видимо, устроили свадебный прием.

Я стягиваю шапочку, чтобы вписаться в цветовую гамму свадебной вечеринки. На коробке с краской для волос значилось «розовое золото», но цвет вышел почти пастельным, лишь оттеняющим мои светлые — не от природы — волосы.

Хотя колер совсем слабый, сестра Мэри Анджела приняла его в штыки. Когда в прошлом месяце она заметила мой новый цвет волос, то запретила мне обедать в общей столовой, что я сочла лицемерием, но спорить не стала. Как-нибудь переживу, тем более что не особенно люблю есть в компании сверстников.

На прошлой неделе наказание внезапно отменили. Я даже не догадывалась, в чем причина, пока Хейли не рассказала нам с мамой, что папа внес некое пожертвование, чтобы «проблему» замяли.

Из принципа и из уважения к матери я решила вернуться к унылым столовским обедам.

Видите ли, что бы там себе ни воображала всемогущая сестра Мэри Анджела, я покрасилась в розовый вовсе не из бунтарства. Вообще-то, я люблю правила. Но и немного разнообразия не помешает. А этот цвет для меня особо символичен³: мама перенесла рак груди, и на следующей неделе исполнится два года с тех пор, как ей удалось справиться с болезнью.

Думаю, что даже мама не уловила связи, но и ладно. Говорю же, я покрасилась не ради показухи. Это моя личная дань силе духа и упорству матери.

³ Символ борьбы с раком груди — розовая лента.

Девушка-бариста выкрикивает из-за стойки:

— Заказ для Мадлен!

Только она произносит мое имя как «Мэдлин», игнорируя букву «а», поэтому я встаю не сразу. Может, другая девчонка с похожим именем тоже пережидает тут дождь. Народу сегодня битком.

— Обжаренный мокко с двойной перечной мятой? — уточняет бариста. — Круассан с маслом?

Да, она обращалась ко мне. Забирая свой уже второй после полудня кофе, я не пытаюсь поправить девушку. Она не единственная, кто неправильно произносит мое имя. Но могла бы хоть улыбнуться и дать мне почувствовать, что семидолларовый обжаренный мокко стоит своих денег.

Я возвращаюсь на привычное место у боковой стойки.

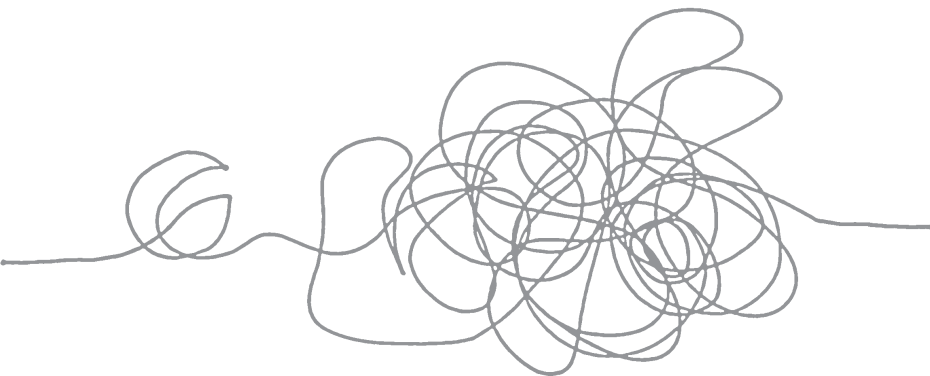
И в ту же секунду натыкаюсь взглядом на человека с другой стороны окна. Он в черном плаще, лицо полускрыто капюшоном, но откуда-то я знаю, что смотрит он именно на меня.

Оценивает.

Шпионит.

По позвоночнику пробегает холодок.

За мной охотятся.

ГЛАВА 2

Надо успокоиться.

Я сосредотачиваюсь на этом процессе, чтобы паника не вышла из-под контроля.

Это просто человек. Он просто заглядывает в кофейню. Вдох.

Прочувствуй реальность. Соберись.

Что такое восприятие? Что такое реальность?

Где в диаграмме Венна⁴, изображающей жизнь, совпадают восприятие и реальность? Похоже, этот парень не попадает в такое пересечение.

Ладно. Теперь все нормально.

Пол под высоким барным стулом окован железом, и в такие дни, как сегодня, тепло выпивает

⁴ Схематичное изображение всех возможных отношений нескольких подмножеств универсального множества.